

УДК 343.2/.7

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(1).124-132

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПОСЛЕДНИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Т.Р. Сабитов¹, И.А. Жилко¹, А.А. Гилёв²¹ Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация² Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

15 ноября 2020 г.

Дата принятия в печать

19 февраля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

9 марта 2021 г.

Ключевые слова

Уголовный кодекс КНДР; социалистическая правовая система; законность; преступления против собственности; уголовная политика; судебское усмотрение; индивидуализация уголовной ответственности

Аннотация. Уголовное право Корейской Народно-Демократической Республики не стоит на месте, оно развивается, подвергается влиянию со стороны мирового сообщества, и эта динамика представляет особый интерес для исследования, цель которого — на основе анализа изменений, произведенных в Уголовном кодексе КНДР, прийти к пониманию того, имеется ли тенденция к сближению Северной Кореи с мировым сообществом. Естественно, что закрытость КНДР не способствует скорейшим изменениям в уголовно-политическом курсе этого государства, и можно лишь ожидать эволюционной трансформации проводимой в нем уголовной политики. Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что уголовный закон КНДР все больше приближается к общемировым стандартам. При рассмотрении УК КНДР были проанализированы: нормы-принципы и нормы-декларации, закрепленные в КНДР; структура северокорейского уголовного закона; его отдельные правовые институты; система наказаний по УК КНДР; ответственность за некоторые виды преступлений по данному кодексу. Действующий УК КНДР, принятый в 1950 г. и претерпевший с того момента полтора десятка редакций, в целом гармонично встраивается в политику КНДР. Изучение ключевых положений УК КНДР, проявляющих отношение северокорейского законодателя к общепризнанным правовым ценностям, показало, что уже имеются отчетливые шаги КНДР на пути сближения с мировым сообществом. Очевидно, что уголовное право Северной Кореи претерпевает положительные изменения. Вместе с тем при наличии положительной с точки зрения общепризнанных правовых ценностей тенденции некоторые его особенности, прослеживающиеся в северокорейском уголовном правотворчестве, все еще не позволяют сделать вывод, что страна кардинально поменяла свою уголовно-политическую линию.

CRIMINAL CODE OF THE DEMOCRATIC PEOPLE'S REPUBLIC OF KOREA: RECENT TRENDS

Timur R. Sabitov¹, Irina A. Zhilko¹, Artem A. Gilyov²¹ Ural State Law University, Yekaterinburg, the Russian Federation² Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, the Russian Federation

Article info

Received

2020 November 15

Accepted

2021 February 19

Available online

2021 March 9

Keywords

Criminal Code of the DPRK; socialist legal system; legality; crimes against property; criminal policy; judicial discretion; individualization of criminal responsibility

Abstract. Criminal law of the Democratic People's Republic of Korea is not stagnant, it is developing under the influence of international community, and this dynamics is of special interest for research that analyzes changes to the Criminal Code of the DPRK with the goal of understanding if there is a trend in North Korea for getting closer to the world community. Naturally, the reclusiveness of the DPRK does not make any speedy changes in its criminal policy likely, and we can only expect an evolutionary transformation of the policy in this sphere. At the same time, there is no denying the fact that the criminal law of the DPRK is converging more and more with the international standards. The examination of the CC of the DPRK included the analysis of the following: norms-principles and norms-declarations within the law; the structure of North Korean criminal law; its specific legal institutes; the system of punishments under the CC of the DPRK; the responsibility for some types of crimes under this Code. The current CC of the DPRK, adopted in 1950 and amended fifteen times since then, fits harmoniously with the policy of the DPRK. A study of key clauses of the CC of the DPRK, which reveal the attitude of North Korean lawmakers to universally recognized legal values, showed that there is a clear indication of the DPRK's approachment with the international commu-

nity. It is evident that the criminal law of North Korea is improving. At the same time, although some trends observed in North Korean lawmaking can be viewed as positive from the standpoint of universally recognized legal values, some of its criminal law's features still make it impossible to conclude that the country has radically changed its criminal policy.

Уголовное право Корейской Народно-Демократической Республики (Северной Кореи) представляет значительный интерес для западных юристов. Во-первых, правовая система Северной Кореи принадлежит к семье социалистического права, что в настоящее время становится все большей редкостью. Во-вторых, ознакомление с уголовным правом КНДР, как и получение доступа ко всей информационной сфере этого государства, даже и в настоящее время затруднено не только для представителей других государств, но и для граждан Северной Кореи¹. Лишь к настоящему времени Уголовный кодекс КНДР стал появляться в общем доступе, в связи с чем возникла возможность осуществить юридический анализ этого нормативно-правового акта. В-третьих, даже социалистическое уголовное право КНДР не стоит на месте, оно развивается, подвергается влиянию со стороны мирового сообщества. Эта динамика и представляет особый интерес для исследования.

В юридической литературе подчеркивается тенденция, заключающаяся в снижении политизированности уголовного права КНДР. Так, Kim Soo-Am отмечает, что в новых редакциях УК КНДР начиная с 1987 г. прямые политические термины были заменены на более нейтральные. Например, вместо категории «преступления против революции» стала использоваться другая — «антигосударственная преступность». Однако, по его мнению, в целом функция права Северной Кореи как политического инструмента защиты национального суверенитета и социалистического строя осталась неизменной [1, р. 8]. In Sup Han также полагает, что идеолого-политический тон в уголовном законе КНДР со временем смягчается, но это вовсе не означает, что такое смягчение сильно сказывается на практике применения УК в Северной Корее [2, р. 122]. Кроме того, судебная практика недоступна для изучения [3], что дает возможность для

всевозможных нарушений прав человека при отправлении правосудия².

Конечно, закрытость КНДР не будет способствовать скорейшим изменениям в уголовно-политическом курсе этого государства, можно лишь ожидать эволюционной трансформации проводимой в нем уголовной политики. Вместе с тем нельзя отрицать тот факт, что уголовный закон КНДР все больше приближается к общемировым стандартам. И такая динамика, на наш взгляд, может только положительно отразиться как на условиях жизни граждан Северной Кореи, так и на отношении мирового сообщества к этому государству.

Для того чтобы понять, что в УК КНДР уже изменено и что еще пока противоречит общепризнанным правовым принципам, необходимо осуществить выборочный анализ его ключевых положений, а также наиболее характерных для социалистического уголовного права норм. Однако в рамках одной научной статьи трудно подробно рассмотреть все характерные особенности УК КНДР, поэтому целесообразно остановиться только на некоторых его узловых особенностях.

Действующий УК КНДР, принятый в 1950 г. и претерпевший с того момента полтора десятка редакций, гармонично встраивается в политику КНДР, основанную на идеологии Juche. По мнению Chongko Choi, ее можно выразить в совокупности тезисов, пронизывающих все законодательство Северной Кореи, включая и уголовное право: «1) love of fatherland, 2) international solidarity through the world's workers, 3) hatred for class enemy, 4) absolute support of communist party policy, 5) self-sacrifice for social interest, 6) socialistic humanism, 7) socialistic ownership, 8) noble sense of duty to state, 9) respect to citizen's neighbor, 11) love of sacred labour» [3].

¹ Why did North Korea make the provisions of the Penal Code? // RFA. URL: https://www.rfa.org/korean/weekly_program/defector_view_hr/nkhr-05152019105135.html.

² The death penalty in North Korea: In the machinery of a totalitarian State // FIDH. URL: <https://www.fidh.org/IMG/pdf/en-report-northkorea-high-resolution.pdf>; Democratic People's Republic of Korea. Submission to the United Nations Committee on the Rights of the Child : 76th Sess., 11–29 Sept. 2017 // Amnesty International. 2017. URL: <https://www.amnesty.org/download/documents/asa2465002017english.pdf>.

Терминология, исходящая из идей Juche, хотя и стала более нейтральной, но все же еще присутствует в УК КНДР. Так, без нее не обошлось при провозглашении цели и задач Уголовного кодекса в норме-декларации, закрепленной в ст. 1: «Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики защищает национальный суверенитет и социалистическую систему посредством борьбы с преступностью и гарантирует независимую и творческую жизнь людей». Она получила отражение также и в ст. 3 УК (принцип обращения с преступниками): «При обращении с преступниками государство должно придерживаться принципов рабочего класса и применять правовые санкции, отдавая предпочтение мерам общественного воздействия».

В структуре УК КНДР традиционно не выделяется Общая часть — по сути, ее функцию выполняют гл. 1 и 2. Глава 1 УК КНДР называется «Основы Уголовного кодекса», а гл. 2 «Общие положения» содержит два раздела — «Преступления» (разд. 1) и «Наказания» (разд. 2). Обе главы в совокупности включают в себя 59 статей, что по сравнению, например, с редакцией УК КНДР 1987 г., где эти главы содержали всего 43 статьи, значительно больше. В остальных главах кодекса указываются описания конкретных преступлений и наказаний за их совершение.

Общее количество статей в УК КНДР тоже значительно возросло — теперь их 290. В целом тенденция к увеличению количества статей в северокорейском УК может быть оценена только положительно, поскольку, например, в редакции УК КНДР 1987 г. была всего 161 статья. При этом старая редакция допускала применение аналогии закона, при наличии которой не требовалось закрепления в УК КНДР исчерпывающего перечня преступлений. Так, в ст. 10 УК КНДР редакции 1987 г. говорилось, что если в кодексе нет положения, закрепляющего конкретное деяние, уголовная ответственность должна применяться в соответствии с нормами, где формулируются наиболее сходные деяния. Статья 6 УК КНДР в действующей редакции гласит: «Государство налагает уголовную ответственность лишь в случае совершения лицом деяний, предусмотренных настоящим Кодексом» (принцип привлечения к ответственности только за преступления, предусмотренные Уголовным кодексом). Такое увеличение объема УК КНДР говорит о том, что законодатель постарался предусмотреть ответственность за все общественно опасные деяния, чтобы исключить

применение уголовного закона по аналогии. Это очень важное с точки зрения принципа законности изменение в уголовном законодательстве КНДР.

Уголовно-политическую линию законности поддерживает также положение, закрепленное в ст. 2 УК КНДР (принцип предупреждения преступлений): «Государство должно стремиться к тому, чтобы все граждане уважали и строго соблюдали закон и принимали активное участие в борьбе с преступностью и ее предотвращении».

О законности много говорится и в Конституции КНДР от 27 декабря 1972 г. (в ред. от 2019 г.). Так, согласно ст. 18 Конституции, «законы КНДР являются отражением воли и интересов трудового народа и основным орудием управления государством. Уважение законов и их строгое исполнение и соблюдение обязательны для всех учреждений, предприятий, организаций, граждан. Государство совершенствует социалистические законодательные институты и укрепляет социалистическую законность». Законности посвящены и другие нормы Конституции: о неприкосновенности личности и жилища, о соблюдении тайны переписки, о возможности задержания, ареста и обыска жилища только на основании закона (ст. 78); об обязанности граждан соблюдать законы, социалистические нормы поведения (ст. 81); а также ряд других статей (ч. 2 ст. 155, ч. 1 ст. 165, ч. 4, 5 ст. 120).

Вместе с тем бросается в глаза, что северокорейский законодатель при написании норм уголовного права очень немногословен [4, с. 62–63]. УК КНДР изобилует статьями наподобие ст. 88, имеющей очень лаконичное содержание: «Те, кто умышленно избегает мобилизации к военной службе или дезертирует, наказываются исправительными работами на срок до одного года»³.

Также обращает на себя внимание использование в УК КНДР явно оценочных терминов. Например, согласно ст. 97 данного кодекса, если хищение государственного или общественного имущества является особо тяжким, то оно должно наказываться исправительными работами на срок свыше десяти лет. В этом и многих других подобных случаях не раскрывается, что означает «особо тяжкое хищение», а также насколько выше, чем десять лет, должно быть назначено наказание за это преступление. По-

³ Наказание в виде исправительных работ на определенный срок представляет собой лишение свободы с принудительным трудом.

этому, если исходить из ст. 30 УК КНДР, в которой срок исправительных работ ограничивается 15 годами, то можно допустить назначение данного вида наказания на период до 15 лет.

Установление судом наличия особо тяжких последствий в результате совершения преступления, определение содержания которых полностью отдается на усмотрение суда, может влечь за собой резкие скачки наказуемости — от нескольких лет исправительных работ до пожизненного лишения свободы или смертной казни [5, с. 36]. В связи с этим для суда, не обремененного четкими рамками терминов, признать наличие особо тяжких последствий преступления и назначить максимальное наказание достаточно просто.

В УК КНДР также отсутствуют определения наиболее важных понятий, например таких, как «вина» и «умысел». Лишь из смысла ст. 26 можно понять, что уголовная ответственность за преступление, совершенное по неосторожности, наступает только в том случае, когда такая форма вины предусмотрена в статье УК в качестве необходимого признака, а также если лицо не предотвратило вредные последствия, хотя имело возможность их предотвратить. Умысел и неосторожность при этом не делятся на виды.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод, что, несмотря на наличие в северо-корейском законодательстве громких лозунгов о законности, а также несмотря на отсутствие в уголовном законе КНДР разрешения применять нормы права по аналогии, по факту УК КНДР продолжает оставаться орудием для проведения массовых репрессий [6, с. 33]. Наличие в кодексе оценочных понятий, а также отсутствие в нем определений важных юридических терминов дает основания для практически неограниченного судебного усмотрения.

Тем не менее нельзя не отметить с положительной стороны сам факт закрепления уголовно-правовых принципов в УК КНДР. Изложение их среди общих положений Уголовного кодекса осуществляет идеологическое воздействие как на правоприменителя, так и на граждан, соблюдающих уголовно-правовые нормы, это также корректирует их правосознание.

Кроме рассмотренных выше принципов (предупреждение преступлений; обращение с преступниками; привлечение к ответственности только за преступления, предусмотренные Уголовным кодексом), в гл. 1 северо-корейского УК имеется еще несколько положений принци-

пиального характера. К ним относятся принципы: обращения с предавшими Родину и народ (ст. 4); обращения с добровольно сдавшимся лицом (ст. 5); назначения наказания (ст. 7).

Уголовно-правовые принципы — само по себе явление политико-правовое, а в нормах, предусмотренных гл. 1 УК КНДР, их политический характер проявляется наиболее отчетливо. Сказанное, без сомнения, относится и к положению, закрепленному в ст. 4 УК КНДР, в соответствии с которым лицо не несет уголовной ответственности за совершенные им общественно опасные деяния, если оно активно участвовало в деле национального объединения.

Вопрос воссоединения корейского народа является важным для Северной Кореи. Трудно поспорить с И.Г. Смирновой, что «выживаемость государства в современных условиях немыслима без взаимодействия с иными странами» [7, с. 10]. Для КНДР особенно важно взаимодействие с Южной Кореей. По результатам недавних встреч северо-корейского и южнокорейского лидеров был сделан вывод, что «Kim Jong-un пытается оттолкнуть США от Сеула, чтобы Северная и Южная Кореи могли взять на себя инициативу в принятии решения о том, как обеспечить мир и стабильность на своем полуострове» [8].

Тема воссоединения Северной и Южной Кореи нашла отражение также и в разд. 2 УК КНДР «Антиэтнические преступления». Раздел содержит три статьи, в каждой из которых упоминается тема национального воссоединения. Первые две статьи (68 и 69) призваны оградить национально-освободительное движение корейцев и борьбу за их национальное воссоединение от «продажи интересов корейского народа империалистам», а также от внешнего или внутреннего вмешательства в него. Причем если такое вмешательство осуществлено корейцем, то оно при наличииотягчающих обстоятельств наказывается вплоть до смертной казни. Гражданин же другой страны может быть наказан исправительными работами на срок до десяти лет и более.

В соответствии со ст. 70, если иностранный гражданин посягает на личность, собственность корейца или возбуждает национальную рознь в корейце, который проживает или находится за границей, с целью противодействия корейскому народу, он должен быть приговорен к исправительным работам на срок от пяти до десяти лет. При отягчающих обстоятельствах наказание может быть увеличено на более длительный

срок. О шаге на пути к интеграции в мировое общество свидетельствует и наличие в УК КНДР ст. 67, имеющей следующее содержание: «Любой, кто ущемляет человеческие ресурсы или имущество другой страны в Республике с целью ослабления отношений между Республикой и другими странами, должен быть приговорен к исправительным работам на срок от пяти до десяти лет» (при наличииотягчающих обстоятельств — на срок более десяти лет).

Другие два принципа являются традиционными для уголовно-правовой политики не только КНДР, но и большинства других государств. Так, компромисс в борьбе с преступностью положен в основу принципа обращения с добровольно сдавшимся лицом. В соответствии со ст. 5 УК КНДР государство должно проявить снисходительность и простить преступника, который раскаивается в своих проступках и добровольно сдается. Подобного рода поощрительные нормы призваны стимулировать лицо, совершившее преступление, к позитивному поведению, заключающемуся в деятельном раскаянии и добровольной сдаче органам правопорядка. Кроме того, поощрительные нормы показывают виновному наиболее быстрый способ искупить вину за совершенное им преступление [9, с. 54].

В соответствии со ст. 7 УК КНДР (принцип назначения наказания преступникам) государство назначает виновному лицу наказание с учетом общественной опасности совершенного им деяния и его личности. С одной стороны, данная норма призвана обеспечить реализацию принципов справедливости и индивидуализации наказания. С другой стороны, с учетом размытости понятий, используемых не только в этой, но и во многих других нормах УК КНДР, это дает основание для произвольной трактовки правила соразмерности наказания содеянному.

Таким образом, в ст. 2–7 УК КНДР предусмотрено шесть принципов уголовного права Северной Кореи. Перечисление их в гл. 1 УК играет роль «визитной карточки» реализуемой в КНДР уголовно-правовой политики, поскольку это в кратком и доступном виде характеризует суть уголовного закона данного государства. Вместе с тем, несмотря на достаточно широкую по обычным меркам систему принципов, зафиксированную в гл. 1 УК КНДР, в ней отсутствуют такие общепризнанные правовые идеи, как равенство, а также недопустимость наказаний, причиняющих физические страдания или унижающих человеческое достоинство (принцип гуманизма).

На наш взгляд, оставление законодателем без внимания вышеназванных принципов в УК КНДР имеет под собой вполне понятное основание.

Что касается принципа равенства, то предварительно можно отметить, что в мировой практике данный принцип достаточно редко включается законодателем в перечень уголовно-правовых принципов. При этом достаточно распространен подход, согласно которому эта правовая идея декларируется среди конституционных положений, что, по мнению правотворцев, снимает необходимость возвращаться к нему в уголовном законе.

Конституция КНДР не является исключением — в ст. 65 данного нормативно-правового акта закреплено положение о том, что все обладают равными правами во всех областях государственной и общественной жизни. Кроме того, в соответствии со ст. 75 женщины пользуются равными с мужчинами социальным положением и правами.

Однако можно ли обеспечить равенство всех перед законом, если классовый подход имеет место уже среди основных тезисов *Juche*? Классовый подход к правовому регулированию обозначен также и в ст. 3 УК КНДР (принцип обращения с преступниками).

Как отмечает А.Н. Ланьков, «все население КНДР в зависимости от своего происхождения подразделяется на 51 группу, которые образуют три слоя: «основной», «колеблющийся» и «враждебный» [10]. Далее автор приводит полную классификацию всего населения Северной Кореи в зависимости от происхождения, политических взглядов, отношения к собственности, закону и т.д. Принадлежность человека к определенному слою существенно влияет на его пользование социальными правами, включая право на вынесение в отношении него справедливого приговора.

Таким образом, несмотря на провозглашение принципа равенства в Конституции КНДР, эта «капиталистическая» правовая идея не находит поддержки в УК КНДР, а также не реализуется на практике.

Другой принцип — недопустимость наказаний, причиняющих физические страдания или унижающих человеческое достоинство (принцип гуманизма), — также не обозначен в северокорейском УК. С одной стороны, глядя на перечень наказаний, предусмотренных ст. 27 УК КНДР, нельзя увидеть в нем жестоких и позорящих наказаний. С другой стороны, в литературе отмечается, что фактически при исполнении на-

казаний в Северной Корее, по-видимому, действуют иные инструкции, а не Уголовный кодекс. При этом условия содержания в исправительных лагерях являются чрезмерно суровыми [9, с. 36].

Тем не менее можно заметить и позитивную динамику в системе наказаний, предусмотренной в УК КНДР. Так, в старом УК предусматривалось всего пять видов наказаний: смертная казнь; исправительные работы; лишение избирательных прав; конфискация имущества; лишение права занимать определенные должности. В ст. 27 действующего УК называется уже восемь видов наказаний: смертная казнь; пожизненные исправительные работы; исправительные работы на определенный срок; обязательные работы; лишение избирательных прав; конфискация имущества; лишение права занимать определенные должности; временное лишение права занимать определенные должности. Таким образом, перечень наказаний дополнился еще тремя видами: пожизненные исправительные работы, обязательные работы, временное лишение права занимать определенные должности.

Расширение перечня уголовных наказаний в Северной Корее, несомненно, следует оценить только с положительной стороны, поскольку это дает гораздо больше возможностей для реализации принципа индивидуализации уголовной ответственности. Кроме того, наглядным примером стремления реализовать данный принцип служат также и изменения в регламентации наказаний, связанных с принудительным трудом.

В УК КНДР 1999 г. абсолютно все санкции норм содержали наказание в виде исправительных работ на определенный срок. Хотя в названии этого вида наказания северокорейский законодатель не упоминает понятия «лишение свободы», по сути, данная мера является лишением свободы на определенный срок с принудительным трудом. Выражаясь точнее, речь идет о каторжных работах [6, с. 36], хотя термин «каторжные работы» (jingyeok) в уголовном праве Северной Кореи, в отличие от Республики Корея, в УК которой указан именно он, не используется.

С одной стороны, сказанное можно объяснить особым отношением в странах Дальнего Востока к труду. Как отмечают В.С. Ишигеев, О.И. Плындина и М.Е. Авдеев, в отличие, например, от жителей Средней Азии и Закавказья, экономическая деятельность которых заключалась в основном в торговле товарами и обмене ими, «исторически у китайцев, корейцев процесс за-

рабатывания средств на существование лежал через труд (пусть даже и низкооплачиваемый)» [11, с. 43]. В уголовно-правовой доктрине Японии также можно заметить подчеркивание важности труда для общества и индивида. В частности, это имеет место, когда ученые и практики ратуют об отмене такого вида наказания, как лишение свободы без принудительного труда, по той причине, что японским традициям соответствует только аналогичное наказание, включающее принудительный труд [12, с. 489].

С другой стороны, обращает на себя внимание и то, что до сих пор в УК КНДР отсутствует такой вид наказания, как штраф. По-видимому, это можно объяснить трудной экономической ситуацией, в которой оказалась Северная Корея, став изолированной от внешнего мира. В этом случае отсутствие в УК штрафа и широкое использование наказания в виде исправительного труда свидетельствует не только об уважении к труду, но и о необходимости в дешевой рабочей силе в связи с экономическими трудностями этого государства.

В действующем УК КНДР наблюдается несколько иной, чем в предыдущих его редакциях, подход к регламентации наказаний, связанных с принудительным трудом. В систему наказаний северокорейский законодатель включил новый вид наказания — обязательные работы. Главным их отличием от исправительных работ является краткосрочность — согласно ст. 31 УК КНДР, это наказание назначается на срок от шести месяцев до одного года. В отличие от предыдущих вариантов УК, современный уголовный закон КНДР содержит нормы, предусматривающие только наказание в виде обязательных работ за совершение лицом преступления и при этом не упоминающие исправительного труда.

Исключительно обязательные работы предусмотрены за совершение таких преступлений, как: продажа военных товаров (ст. 83), препятствование производству вооружения (ст. 84), уклонение от военной службы и дезертирство (ст. 88), присвоение полномочий военнослужащего (ст. 89) и т.д.

В других случаях, предусмотрев наказание в виде обязательных работ за преступление без отягчающих обстоятельств, законодатель устанавливает наказание в виде исправительного труда за совершение аналогичного преступления с отягчающими обстоятельствами. Например, таким образом сконструированы нормы разд. 1 гл. 5 «Преступления против собственно-

сти государственных и общественных организаций» (ст. 91–94, 98–100).

Следовательно, необходимо признать наметившуюся в уголовно-правовой политике КНДР тенденцию к воплощению в жизнь принципа индивидуализации наказания.

Говоря об общей превенции, можно отметить, что устрашающий эффект системы наказаний в УК КНДР достигается в том числе за счет построения этой системы от наиболее строгого наказания (смертная казнь) к наименее строгому (постоянное и временное лишение права занимать определенные должности). Аналогичный законодательный подход имеет место в Республике Корея, а также в Японии и не свидетельствует об излишней строгости или агрессии к лицам, как совершившим, так и еще не совершившим преступление. Устрашение с целью предупреждения совершения новых преступлений — это неотъемлемая задача уголовного права любого государства, а не только Северной Кореи.

Один из характерных признаков социалистической правовой системы — специфическое отношение к частной и государственной собственности. В странах социализма государственная собственность является основой их экономики, поэтому посягательства на этот вид собственности традиционно наказываются более строго, чем преступления против личной собственности.

Однако, как можно заметить по анализу санкций, предусмотренных в нормах об ответственности за преступления против государственной (общественной) и личной собственности, разница в оценке северокорейским законодателем общественной опасности этих видов преступлений минимальна. Так, если сравнить кражу как преступление против государственной (общественной) собственности (ст. 91) с этим же преступлением, посягающим на личную собственность (ст. 283), то можно

увидеть, что сопоставляемые деяния безотягчающих обстоятельств наказываются абсолютно одинаково — обязательными работами на срок до одного года. Оба вида кражи с отягчающими и особо отягчающими обстоятельствами наказываются исправительными работами. При этом все дальнейшие различия состоят в увеличении сроков наказания за кражу в отношении государственного (общественного) имущества на один год по сравнению с аналогичным преступлением против личной собственности (табл. 1).

Аналогичная ситуация складывается и при определении наказуемости разбоя (табл. 2).

Таким образом, можно сделать вывод, что разница в оценке северокорейским законодателем общественной опасности посягательств против национальной и личной собственности несущественна. Для представления этого соотношения в динамике заметим, что в УК КНДР редакции 1999 г. разница между максимальными пределами наказаний, например, за кражу государственного и кражу личного имущества составляла не один год, а три года. Данный факт свидетельствует об уходе составителей УК КНДР от явно социалистических стереотипов в охране имущественных отношений и начале движения в сторону признания равного статуса всех форм собственности. Единственное, что в настоящее время препятствует этому движению в УК КНДР, — наличие двух отдельных глав, в которых посягательства на собственность различаются в зависимости от ее формы.

Изучение ключевых положений УК КНДР, проявляющих отношение северокорейского законодателя к общепризнанным правовым ценностям, показало, что уже имеются отчетливые шаги КНДР на пути сближения с мировым сообществом. Очевидно, что уголовное право Северной Кореи претерпевает положительные изменения. Об этом свидетельствуют следующие особенности УК данного государства:

Таблица 1 / Table 1

Наказуемость кражи по УК КНДР
Punishments for theft under the Criminal Code of the DPRK

Наличие отягчающих обстоятельств / Aggravating circumstances, if any	Статья 91 «Кража государственной собственности» / Art. 91 «Theft of public property»	Статья 283 «Кража личного имущества» / Art. 283 «Theft of personal property»
Кража без отягчающих обстоятельств	Обязательные работы на срок до одного года	Обязательные работы на срок до одного года
Кража с отягчающими обстоятельствами	Исправительный труд на срок от одного года до четырех лет	Исправительный труд на срок от одного года до трех лет
Кража с особо отягчающими обстоятельствами	Исправительный труд на срок от четырех до девяти лет	Исправительный труд на срок от трех до восьми лет

Таблица 2 / Table 2

Наказуемость разбоя по УК КНДР
Punishments for plunder under the Criminal Code of the DPRK

Наличие отягчающих обстоятельств / Aggravating circumstances, if any	Статья 96 «Разграбление национального имущества» / Art. 96 «Plunder of national property»	Статья 288 «Разграбление личного имущества» / Art. 288 «Plunder of private property»
Разбой без отягчающих обстоятельств	Исправительный труд на срок до пяти лет	Исправительный труд на срок до четырех лет
Разбой с отягчающими обстоятельствами	Исправительный труд на срок от пяти до десяти лет	Исправительный труд на срок от четырех до девяти лет
Разбой с особо отягчающими обстоятельствами	Исправительный труд на срок более десяти лет	Исправительный труд на срок более девяти лет

– кодекс в большей степени, чем ранее, стал доступен общественности для ознакомления с ним;

– снижена его политизированность;

– в кодексе законодатель отказался от аналогии закона и постарался предусмотреть в законе все возможные общественно опасные деяния, в связи с чем объем УК КНДР значительно увеличился;

– расширен круг наказаний, предусмотренных кодексом, благодаря чему появляется большая возможность индивидуализации наказания судом;

– уголовно наказуемыми являются действия, препятствующие интеграции Северной Кореи в мировое сообщество и воссоединению двух государств на Корейском полуострове;

– явных различий в законодательной оценке общественной опасности посягательств на национальную и личную собственность уже не наблюдается.

Вместе с тем при наличии положительной с точки зрения общепризнанных правовых ценностей тенденции, прослеживающейся в северокорейском уголовном правотворчестве, некоторые его особенности все еще не позволяют сделать вывод, что КНДР кардинально поменяла свою уголовно-политическую линию. Об этом свидетельствует следующее:

– несмотря на провозглашение в Конституции КНДР и УК КНДР принципа законности, фак-

тически реализация его затруднена наличием в уголовном законе нечетких и оценочных терминов, отсутствием их определений, излишней лаконичностью УК и в итоге — широким судебским усмотрением;

– в УК КНДР отсутствуют принципы равенства и гуманизма, реализация их на практике, мягко говоря, затруднена;

– границы судебного усмотрения расширены также и за счет существенной разницы между минимальным и максимальным размером наказаний за совершение преступлений с отягчающими обстоятельствами;

– хотя особенностью граждан Северной Кореи является их уважение к труду, что само по себе положительно, наказание в виде исправительного труда фактически представляет собой каторгу, гуманность которой ставится под сомнение, при этом в УК КНДР до сих пор отсутствует такое наказание, как штраф;

– для придания равного статуса всем формам собственности, что в настоящее время в Северной Корее представить трудно, все составы преступлений против собственности должны быть предусмотрены в одной общей главе УК.

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на наличие позитивной тенденции в уголовном правотворчестве КНДР, Уголовный кодекс этого государства продолжает оставаться орудием для борьбы с неугодными элементами и контрреволюционными настроениями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kim Soo-Am. The North Korean Penal Code, Criminal Procedures, and their Actual Applications / Kim Soo-Am. — Seoul : Korea Institute for National Unification, 2006. — 66 p.
2. In Sup Han. The 2004 Revision of Criminal Law in North Korea: — a take-off? / In Sup Han // Santa Clara Journal of International Law. — 2006. — Vol. 5, iss. 1. — P. 122–133.
3. Chongko Choi. South Korean Law and North Korean Law: Comparison and Reunification / Chongko Choi // S-Space. Seoul National University. — URL: http://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/8808/1/law_v40n4_041.pdf.
4. Скиба А.П. Досрочное освобождение от отбывания наказания: сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства Корейской Народно-Демократической Республики и Российской Федерации / А.П. Скиба, А.В. Ковш, А.Н. Мяханова // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5, № 1. — С. 59–64.

5. Милуков С.Ф. Уголовный кодекс КНДР: опыт уголовно-политического анализа / С.Ф. Милуков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 4 (51). — С. 33–38.
6. Кобозев Н.М. Об уголовном кодексе КНДР / Н.М. Кобозев // Проблемы Дальнего Востока. — 2000. — № 2. — С. 31–38.
7. Смирнова И.Г. Историко-правовой анализ института защиты в Китайской Народной Республике / И.Г. Смирнова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2016. — № 6. — С. 9–15.
8. Talmadge E. South Korean and North Korean leaders meet for their third and possibly most challenging summit / E. Talmadge, Hyung-jin Kim // Business Insider. — URL: <https://www.businessinsider.com/south-and-north-korea-summit-in-pyongyang-2018-9>.
9. Алиперов Х.Д. Преступность и компромисс / Х.Д. Алиперов. — Баку : Наука, 1992. — 196 с.
10. Ланьков А.Н. Северная Корея: вчера и сегодня / А.Н. Ланьков. — Москва : Вост. лит., 1995. — 291 с.
11. Ишигеев В.С. Этнопреступность как объект криминологического познания / В.С. Ишигеев, О.И. Плындина, М.Е. Авдеев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2015. — № 4 (75). — С. 43–47.
12. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. — Москва : Кameron, 2003. — 576 с.

REFERENCES

1. Kim Soo-Am. *The North Korean Penal Code, Criminal Procedures, and their Actual Applications*. Seoul, Korea Institute for National Unification, 2006. 66 p.
2. In Sup Han. The 2004 Revision of Criminal Law in North Korea: — a take-off? *Santa Clara Journal of International Law*, 2006, vol. 5, iss. 1, pp. 122–133.
3. Chongko Choi. South Korean Law and North Korean Law: Comparison and Reunification. *S-Space*. Seoul National University. URL: http://s-space.snu.ac.kr/bitstream/10371/8808/1/law_v40n4_041.pdf.
4. Skiba A.P., Kovsh A.V., Myakhanova A.N. Early Release from Breakdown Penalties: Comparative Legal Analysis of the Criminal Legislation of the Democratic People's Republic of Korea and the Russian Federation. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2019, no. 1, pp. 59–64. (In Russian).
5. Milyukov S.F. Criminal Code of the DPRK: the Experience of Criminal Political Analysis. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2018, no. 4 (51), pp. 33–38. (In Russian).
6. Kobozev N.M. On the Criminal Code of the DPRK. *Problemy Dalnego Vostoka = Problems of the Far East*, 2000, no. 2, pp. 31–38. (In Russian).
7. Smirnova I.G. The Historical and Legal Analysis of the Protection Institute in China. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2016, no. 6, pp. 9–15. (In Russian).
8. Talmadge E., Hyung-jin Kim. South Korean and North Korean leaders meet for their third and possibly most challenging summit. *Business Insider*. URL: <https://www.businessinsider.com/south-and-north-korea-summit-in-pyongyang-2018-9>.
9. Aliperov Kh.D. *Prestupnost' i kompromiss* [Crime and Compromise]. Baku, Nauka Publ., 1992. 196 p.
10. Lankov A.N. *Severnaya Koreya: vchera i segodnya* [North Korea: yesterday and today]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1995. 291 p.
11. Ishigeev V.S., Plyndina O.I., Avdeev M.E. Ethno-crime as Object of Criminological Knowledge. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the Eastern Siberia Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation*, 2015, no. 4 (75), pp. 43–47. (In Russian).
12. Kozochkin I.D. (ed.). *Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya chast'* [Criminal Law of Foreign Countries. General Part]. Moscow, Kameron Publ., 2003. 576 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сабитов Тимур Рашидович — доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: trsabitov.mail@gmail.com.

Жилко Ирина Анатольевна — помощник проректора по научной работе Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: zhia001@usla.ru.

Гилёв Артем Александрович — ассистент кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: maji1@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Сабитов Т.Р. Уголовный кодекс Корейской Народно-Демократической Республики: последние тенденции / Т.Р. Сабитов, И.А. Жилко, А.А. Гилёв. — DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).124-132 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 124–132.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sabitov, Timur R. — Ass. Professor, Chair of the Criminal Law, Ural State Law University, Doctor of Law, Ass. Professor, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: trsabitov.mail@gmail.com.

Zhilko, Irina A. — Assistant to Vice-Rector for Research, Ural State Law University, Ph.D. in Law, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: zhia001@usla.ru.

Gilyov, Artem A. — Junior Lecturer, Chair of State and Municipal Management, Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, the Russian Federation; e-mail: maji1@yandex.ru.

FOR CITATION

Sabitov T.R., Zhilko I.A., Gilyov A.A. Criminal Code of the Democratic People's Republic of Korea: recent trends. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 124–132. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).124-132. (In Russian).